

Дальние рубежи окутала густая пелена пыли. Цзин Шии, увидев, как его отец, не раздумывая, бросился в самую гущу событий, в отчаянии закричал. Но сколько бы он ни вопил, за пределами Барьера его голос не был слышен.

В порыве тревоги Цзин Шии выхватил свой меч и принялся яростно рубить Барьер. Заметив это, Янь Линлун поспешила вытащить свой духовный меч, чтобы помочь ему.

Несмотря на критическую ситуацию, она не могла не заметить: меч юноши в черном тоже оказался духовным артефактом. Подобно его маске, оружие было угольно-черным и даже в ночной тьме отливало холодным блеском. Вероятно, благодаря особым свойствам ножен, скрывавших духовную энергию, меч казался совершенно обычным.

Янь Сяожань не сдвинулся с места. Он лишь обернулся и, бросив на Син Цинмо ледяной взгляд, холодно спросил:

— Чего именно ты хочешь добиться?

Син Цинмо наблюдал за Цзин Шии, который раз за разом пытался прорваться сквозь Барьер, но каждый раз отлетал назад. Он усмехнулся с изрядной долей цинизма:

— Чего добиться? Если метод господина Сяожаня не позволяет выяснить, Цзин Фаньшэн это или нет, почему бы не испытать мой способ?

Янь Сяожань промолчал.

Син Цинмо сложил веер и принялся мерно постукивать костяными спицами по ладони, улыбаясь еще более вызывающе:

— Мастера видно по первому же движению.

Если этот практик в черных одеждах, находясь на стадии Зарождающейся Души, сумеет вырвать тех юношей из рук двух практиков Зарождающейся Души и нескольких практиков Золотого Ядра, значит, с вероятностью восемьдесят процентов перед ними именно Цзин Фаньшэн.

В конце концов, среди вольных практиков не так уж много известных имен, а истинных мастеров — единицы. А дерзкий, своенравный и обладающий выдающейся силой даос Фаньшэн, несомненно, был одним из них.

Присутствующие молчали, но каждый понял ход его мыслей.

Цзин Шии внезапно обернулся и злобно уставился на Син Цинмо, подобно разъяренному зверьку. Тот, однако, проигнорировал мальчишку. Снова раскрыв веер, он с любопытством наблюдал за происходящим вдалеке.

Дым еще не рассеялся, но белоснежные одежды юношей замелькали в хаосе — похоже, в суматохе им перерезали пути, и они бросились врассыпную.

Чу Юньгуань первым заметил даоса в черном и начал контратаку почти в тот же миг, как тот применил артефакт, чтобы создать дымовую завесу. Вскоре освобожденные юноши вступили в схватку с наемниками стадии Золотого Ядра.

Вскоре из дыма выскочил и сам мужчина в потрепанном черном халате. Следом за ним, не отставая ни на шаг, гнался тот самый практик Зарождающейся Души, которого называли главарем.

Они сошлись в небесном бою.

Наемник парил в воздухе, пальцы его беспрестанно складывали печати, направляя летающий меч, который атаковал противника сериями сложных приемов.

Мужчина в рваном халате тоже сражался, управляя мечом, но странно: хотя исходящая от него давящая аура явно принадлежала стадии Зарождающейся Души, он не парил в воздухе, а по-прежнему использовал летающий меч как средство передвижения, полагаясь в бою лишь на собственные техники.

Вдруг из его ладони пробился зеленый росток. Тот мгновенно вытянулся в длинную, гибкую ивовую ветвь, сплошь покрытую шипами. Схватив ее, даос в черном с яростью обрушил град ударов на наемника.

— Это стихия дерева! — воскликнул Син Цинмо. Его уверенность, и без того высокая, возросла еще на десять процентов. — Это боевой культиватор, а не практик меча! Кто же это, если не даос Фаньшэн?!

Демонические практики часто тренируют тело, большинство из них — боевые культиваторы. Син Цинмо раньше не верил слухам о том, что Цзин Фаньшэн пал на Путь Демонов, но теперь, увидев это воочию, он окончательно убедился, что перед ним именно он.

Янь Сяожань продолжал неподвижно наблюдать за битвой.

Этот безумец в синем, разодетый как павлин, обладал аурой, почти идентичной ауре господина Сяожаня. Цзин Шии знал, что Син Цинмо — практик стадии Разделения Духа, а значит, ему ни за что не разрушить этот Барьер.

Не в силах ни победить, ни прорваться, он мог лишь с ненавистью сверлить этого человека взглядом.

Однако вскоре уголки губ Син Цинмо опустились. Цзин Шии почувствовал неладное и поспешил перевести взгляд на отца.

В этот момент раздался бесстрастный голос Янь Сяожаня:

— Он проиграл.

Едва слова стихли, исход короткой схватки стал очевиден.

Наемник был опытным практиком меча, прошедшим сотни битв. Его движения были быстры и безжалостны: он не только парировал все атаки летающим мечом, но и в клочья изрубил ивовую ветвь в руках противника.

Острие меча уперлось в кончик носа даоса. Скорость была невероятной, и тому пришлось отступать, едва поспевая за атаками.

Созданная из духовной силы ветвь была уничтожена, затраты энергии оказались колоссальными. Не дожидаясь, пока клинок врага коснется его, даос вдруг выплюнул кровь и камнем рухнул с небес!

— Отец! — сердце Цзин Шии дрогнуло, когда он увидел, как Цзин Фаньшэн падает, истекая кровью.

Но сейчас он был вынужден терпеть. Четырнадцатилетний юноша, сжимая кулаки до крови, впивался ногтями в ладони, даже не замечая боли. Его глаза налились кровью, в них стояли слезы. Он стиснул зубы, заставляя себя не плакать, не выдавать личность отца, не кричать о том, что Цзин Фаньшэн давно тяжело ранен и не может использовать духовную силу в полную мощь.

Никто внутри Барьера, включая Янь Сяожаня, не ожидал, что практик стадии Зарождающейся Души может оказаться настолько слаб.

На лице Син Цинмо, еще миг назад сиявшем торжествующей улыбкой, не осталось ни следа эмоций. Он даже отступил на шаг, пораженный до глубины души, и пробормотал:

— Это... действительно не он.

Никто в здравом уме не станет скрывать истинную силу в смертельной схватке, даже не призвав свой Артефакт жизни.

Син Цинмо навсегда запомнил тот день Испытания Боевого Пути, когда Цзин Фаньшэн, имея при себе лишь меч, в одиночку завоевал первенство, блистая своей дерзостью. Он не мог забыть и то, как позже, во время охоты в Тайном царстве Сюаньфу, тот извлек древний бессмертный меч Цзинхун. Даже тогда, под грохот драконьего рева, сотрясавшего небеса, на

его лице играла легкая, безмятежная улыбка.

Что уж говорить о Собрании в Павильоне Галерей, где он, облаченный в черное, словно чернила, с гордо поднятой головой исполнял танец с тем же мечом — зрелище, от которого захватывало дух.

Когда Цзинхун выходил из ножен, никто не осмеливался бросить вызов.

Тот сломанный меч, что был сейчас, — определенно не Цзинхун. И человек, который не может удержаться в воздухе без помощи артефакта, никак не может быть Цзин Фаньшэном.

Кто такой Цзин Фаньшэн? Это человек, который, будучи окруженным четырьмя великими сектами в Городке Покорения Демонов, прошел сквозь их ряды, словно по пустому полю!

А сейчас даже младший ученик Ордена Улянцзянь на начальной ступени Золотого Ядра продержался бы против наемника дольше. Как этот человек может быть им?

Цзин Фаньшэн, выплюнув кровь, потерял сознание.

— Отец! — снова вскрикнул Шии. Он хотел броситься на помощь, но разве мог он, практик стадии Конденсации Меридианов, по скорости полета сравниться с падающим телом? Да и Барьер, который он никак не мог пробить, преграждал путь!

Цзин Шии осел на землю, чувствуя, как воля покидает его. Бессилие и отчаяние, словно бездонные черные воды, поднимались из самой глубины души, поглощая его целиком. Глаза юноши стали алыми.

Бум!

Дзынь!

Раздался глухой удар, а следом — звук разбивающегося стекла.

Перед глазами Цзин Шии возникли белоснежные, безупречно чистые сапоги с вышитыми серебром цветами. Он ошарашенно поднял взгляд.

Падая с высоты, Цзин Фаньшэн не почувствовал удара о землю. Его подхватила длинная белая шелковая лента и снова потянула вверх.

Янь Сяожань, управляя лентой, спрятанной в Рукаве Цянькунь, притянул мужчину к себе. Стоило ему сделать лишь шаг, как Барьер Син Цинмо рассыпался в прах.

Все произошло так быстро, что Цзин Шии застыл, глядя, как господин Сяожань держит его отца на руках. Он даже забыл о своем гневе и отчаянии.

Янь Сяожань, не теряя своего бесстрастного вида, даже не взглянув на мужчину в черном, опустился на колени и аккуратно положил его рядом с Цзин Шии.

Син Цинмо, наблюдая за этой сценой, не смог скрыть странного выражения лица.

— Похоже, эта пара отца и сына значит для господина Сяожаня куда больше, чем кажется.

Янь Сяожань промолчал. Лишь уложив мужчину, он повернулся к Син Цинмо:

— Молодой господин дворца Син, представление окончено. Если нет других дел, мне пора заняться делами моей секты.

Син Цинмо был удивлен отношением Янь Сяожаня, но, поняв, что перед ним не Цзин Фаньшэн, потерял всякий интерес. Его поразило и то, что он так грубо ошибся, и то, что за десять с лишним лет разлуки сила Янь Сяожаня ушла далеко вперед.

Однако он не зря был молодым господином Дворца Сяосян. Изогнув губы в улыбке, он произнес:

— Раз у главы секты Янь есть дела, не смею задерживать. Увидимся в другой раз!

После ухода Син Цинмо Янь Сяожань в одно мгновение положил конец битве. Он высвободил свою ауру поздней ступени Разделения Духа, и наемники, не смея больше сопротивляться, замерли.

Юноши в белом, увидев своего главу секты, поспешили к нему, наперебой выкрикивая приветствия. Янь Сяожань лично связал наемников Веревкой, Связывающей Бессмертных — теперь, кроме него самого, никто, кроме практиков стадии Слияния, не смог бы ее разрезать.

Улики налицо, преступники пойманы с поличным — у наемников не хватило духу даже на оправдания.

Меч Юйлинь опустился с небес, Янь Линлун, Цзин Шии и Цзин Фаньшэн оказались на борту. Потрясение миновало, и юноши, радуясь спасению, пришли в возбуждение. Но, заметив Цзин Шии на мече Юйлинь, они приуныли. Почему этот мальчишка с господином Сяожанем? И это же меч Юйлинь! Даже у них не было права на нем летать!

Но, вспомнив, что отец этого парня только что спас их, они переглянулись и притихли.

— Младший дядя, что нам делать с этими людьми? — спросил Чу Юньгуань.

— Раз доказательства собраны, отправьте их в Башню Укрощения Демонов, в Зал Добра и Зла, для публичного суда, — ответил Янь Сяожань.

— Слушаюсь.

Янь Сяожань достал из Мешочка Цянькунь артефакт размером с ладонь. Под воздействием духовной силы тот мгновенно разросся в огромный ковчег.

Уфэн! Это был Корабль Уфэн, один из Артефактов жизни господина Сяожаня!

Юноши застыли в изумлении, пока холодный голос не приказал: «Все на борт».

Они знали, что их глава секты — мастер создания артефактов, но впервые видели, чтобы огромный корабль можно было сжать до размеров ладони. Да и сам корабль был невероятно изыскан: резные перила, украшенные колонны, даже фонари на палубе были произведениями искусства.

Меч Юйлинь вернулся в ножны к хозяину, и Янь Сяожань посмотрел на отца и сына.

— Дядюшка... — Янь Линлун подошла к нему, глядя с мольбой. Отец мальчика был ранен, да и сам юноша выглядел неважно. Ей было жаль их, и она хотела, чтобы господин Сяожань взял их с собой.

Янь Сяожань подошел к Цзин Шии и спросил:

— Как тебя зовут?

— Шии. — Лицо ребенка было в ссадинах. Он изо всех сил сдерживал слезы, и его выражение было полно упрямства.

Янь Сяожань промолчал, внимательно изучая его лицо.

Чу Юньгуань спросил, стоит ли брать эту пару с собой. Янь Сяожань долго смотрел на них, а затем едва слышно вздохнул. Его следующий поступок поверг в шок всех: и Янь Линлун, и Чу Юньгуаня, и юношей, уже успевших превратить наемников в груды синяков и теперь наблюдавших за происходящим с палубы.

Всегда прямой, как стрела, господин Сяожань вновь склонился перед невзрачным мужчиной в рваной одежде, подхватил его на руки и понес к трапу корабля.

Цзин Ши преградил ему путь. Его черный меч все еще был в руке, и он направил его на Янь Сяожаня, сурово произнеся:

— Положите моего отца!

...Цзин Ши было не по себе — только что этот человек спас их, а он теперь угрожает ему мечом. Если отец проснется и узнает, что он позволил господину Сяожаню унести себя, будет несладко.

Янь Сяожань, окруженный ледяным холодом, бесстрастно взглянул на юношу:

— Хочешь идти с нами — иди, нет — уходи сам.

С этими словами он обошел Ши, бережно неся Цзин Фаньшэна.

— Амиабха. — Маленький монах Цзыцзюэ сложил ладони. — Раз дело сделано, я откланяюсь.

Янь Сяожань обернулся:

— Маленький мастер Цзыцзюэ, ты молод и талантлив. У кого обучаешься?

— Амиабха, мой наставник — мастер Ичэнь.

— Значит, ученик старейшины Ичэня. — Янь Сяожань кивнул.

Он не стал спрашивать, догадался ли Цзыцзюэ о подозрительности наемников и специально привел их в Орден Улянцзянь, или это случайность. Если первое... то Бай Ичэнь и вправду воспитал выдающегося ученика.

Попрощавшись с монахом, все, включая Цзин Ши, поднялись на борт.

Корабль был трехпалубным, роскошным и просторным. Янь Сяожань приказал Чу Юньгуаню заправить его духовными камнями. Он все еще держал мужчину на руках, стоя перед лестницей, ведущей на второй ярус, заблокированный Ши.

После случившегося Цзин Ши изменил свое мнение о холодном господине Сяожане. По крайней мере, он был настоящим героем, в отличие от того сумасшедшего павлина. Но позволить ему унести отца на второй ярус? Ши все еще сомневался.

Они стояли в тишине, пока холод от Янь Сяожаня не стал невыносимым. Ученики, наблюдавшие за сценой, поспешили разбежаться по каютам.

Янь Линлун попыталась вразумить Ши:

— Зачем ты мешаешь дяде? Он не причинит вреда, твоему отцу нужна помощь!

Видя, что терпение Янь Сяожаня на исходе, Ши заколебался. В этот момент Цзин Фаньшэн издал стон и приоткрыл глаза. Бледный, с засохшей кровью на губах, он увидел перед собой красивый подбородок Янь Сяожаня и на мгновение растерялся.

Затем он понял, где находится.

— Что за дела? Отпусти меня! — Цзин Фаньшэн дернулся, но был крепко прижат к груди Янь Сяожаня.

Цзин Фаньшэн: «...»

Увидев, что отец очнулся, Ши радостно отступил.

Цзин Фаньшэна, который брыкался всю дорогу, не особо церемонясь, бросили на широкую кровать. Мысленно проклиная Ши и Янь Сяожаня, он застонал и не смог подняться.

Сильные руки внезапно легли ему на плечи, холодная аура и красивое лицо Янь Сяожаня нависли над ним. Цзин Фаньшэн закатил глаза и, не успев издать ни звука, снова потерял сознание.

Внешность можно изменить, но состояние Моря Сознания — нет.

Частица божественного сознания Янь Сяожаня проникла в Море Сознания даоса, называвшего себя Шиу. Однако, едва войдя, он замер.

Земля раскалывалась, под трещинами зияла пустота. Янь Сяожань стоял на крошечном клочке суши. Вокруг — лишь разрушенная земля да одинокое, сломанное пополам дерево вдали. Все Море Сознания было пустым.

Даже бесстрастный господин Сяожань не смог скрыть шока. Он видел немало поврежденных сознаний, но никогда — настолько разбитое, чтобы человек при этом оставался жив.

...Неудивительно, что при стадии Зарождающейся Души он слабее практика Золотого Ядра.

Поскольку он был стихии дерева, то сломанное дерево вдалеке и было его Морем Сознания.

<http://bllate.org/book/22149/2307424>